

Институт «Открытое общество»
Мегапроект «Развитие образования в России»
Программа поддержки кафедр

Проект
«Поддержка и развитие кафедры истории дореволюционной
России Петрозаводского государственного университета
в сотрудничестве с факультетом истории
Европейского университета в Санкт-Петербурге»

Т. Н. Жуковская

**Дворянский либерализм при Александре I:
Споры о конституциях и «рабстве»
в русских журналах 1800—1810-х годов**

Мастер-лекция

Петрозаводск
2002

ББК 63. 3(2)5

Ж 864

УДК 9с

Рецензент

доктор ист. наук, проф. ЕУ СПб А. Н. Цамутали

*Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» Фонд Сороса
Мегапроект «Развитие образования в России»
Программа поддержки кафедр грант № НВС908*

Жуковская Т. Н.

Ж 864 Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800—1810-х годов: Мастер-лекция / ПетрГУ. Петрозаводск, 2002. 44 с.
ISBN 5-8021-0167-9

Мастер-лекция, прочитанная Т. Н. Жуковской в мае 2000 года на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге по теме «Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800—1810-х годов», представляет собой итог источниковедческих исследований автора на материале периодической печати начала XIX в.

Материалы лекции могут быть использованы студентами, аспирантами, преподавателями высшей школы.

ББК 63. 3(2)5

© Т. Н. Жуковская, 2002

© Петрозаводский
государственный
университет, оригинал-
макет, 2002

ISBN 5-8021-0167-9

«Быть может, ни в одной из областей культурной жизни страны не сказались так разительно и скоро благотворные последствия дворцового переворота, как в чисто интеллектуальной сфере возобновленного общения с Западом», — писал авторитетный знаток истории русской литературы Ю. Г. Оксман в одной из своих неопубликованных работ¹.

История российской цензуры повторила (правда, с запозданием) историю цензуры европейской. Известно, что прообразом первого цензурного устава 1804 г. был датский устав, который вводил в действие карательную цензуру, имевшую дело не с отпечатанными сочинениями, а с рукописями. Этот тип цензуры отличается максимально либеральным отношением к автору и его творению. При всех отступлениях и оговорках он обеспечивал свободу печати. В России была сохранена предварительная цензура, но литература и печать, по крайней мере, в первые полтора десятилетия века находились в условиях чрезвычайно благоприятных.

Уже первые правительственные распоряжения Александра I по цензуре обещали широкую свободу печати, отменяя все ограничения, наложенные на нее при Павле I. 31 марта 1801 г. последовал указ, разрешавший для «распространения полезных наук и художеств» отменить запрещение на ввоз литературы из-за границы, устройство частных типографий. Частные типографии повелено было «распечатать»². Но поскольку сразу же открылись «злоупотребления» в виде сочинений сомнительного свойства, напечатанных без дозволения цензуры, 14 июня 1801 г. последовал именной указ о недопущении подобного и о печатании книг в дальнейшем с означением «на заглавных листах» года, указания типографии, ее владельца и цензуры, которая дала разрешение на тиснение³.

Вслед за этим 19 февраля 1802 г. был издан императорский указ, фактически уничтожавший введенную при Павле предварительную цензуру. Им отменялись «особые цензуры», которые

просматривали все привозные и изданные в России сочинения. Подтверждался екатерининский указ от 15 января 1783 г. об открытии частных типографий и свободном печатании в них книг на всех языках с тем только, чтобы «не было ничего в них противного законам Божиим и гражданским или к явным соблазнам касающегося». Цензурование книг поручалось академиям и университетам. Литература тем самым освобождалась от власти полиции и передавалась в руки людей сведущих и заинтересованных⁴. Однако и после издания этого указа в частном порядке запрещались книги, в которых различные чиновники усматривали «дерзость» против государственного порядка и обычая. Даже если эти репрессии были обоснованы, они не были узаконены, вот почему было признано необходимым создание всеобъемлющего закона о цензуре.

Для характеристики взглядов либеральной части общества на цензуру характерна анонимная записка, датированная 9 января 1804 г. и составленная от имени «истинных сынов России». Автор уверен, что все люди, разделяющие его мнение, «ждут уничтожения последнего оплота, удерживающего ход просвещения тяжкими оковами», то есть «цензур», он убежден, что в «философическом веке» цензура не нужна и нет основания «оковывать мысли узами правил законных, сколько бы слабы они не были, всегда для истины вредных. Разные толки об истине не столько опасны, сколько заблуждения невежества». Неизвестный автор пытается снять обвинения с литературы, которые предъявлялись ей обскурантами и сторонниками жесткого контроля за просвещением. «Некоторые утверждают, — говорит он, — что французская революция, причинившая столько бед Франции и целой Европе, есть следствие литературных произведений. Несправедливо обвиняют Руссо, Вольтера и других писателей». Напротив, «писатели одушевили истинных граждан, указали им цель, к которой должно стремиться... <...> ...Не только не произвели революцию, но в революции спасли Францию» и, в конечном счете, внушили нужные идеи реформаторам нового времени, в том числе Наполеону. Следовательно, нельзя устранять читателя от абсолютной пользы истин, «излагаемых печатным слогом», посредством даже самой умеренной цензуры⁵. М. И. Сухомлинов отмечал сходство этих рассуждений с текстом XVIII главы («Торжок») радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву»⁶.

Выработка цензурного устава была поручена членам Главного правления училищ, подчиненного Министерству народного

просвещения. Непосредственно над проектом документа трудились академики Озерецковский и Фус. Серьезное влияние на проект оказали министр просвещения граф П. В. Завадовский, попечитель Петербургского учебного округа (один из «молодых друзей» Александра) Н. Н. Новосильцев. Сам он выступил сторонником освобождения печати от предварительной цензуры и приводил в пример датские постановления о печати, принятые в правление либерального министра графа Струензее, значительно смягчив их в части определения наказаний за оскорбление власти и веры, искажение сведений о правительстве, анонимные выступления в печати. Новосильцев считал, что автор имеет право скрывать свое имя, а наказания за злоупотребление свободой печати необходимо определить менее жесткими, чем в датском уставе, наконец, в отличие от Дании, предоставить право конфискации подозрительных книг не полиции, а академиям и университетам при условии предварительного обсуждения спорных случаев в Главном правлении училищ. Здесь же компетентные ученые могли бы законным порядком определять меру наказания автору или издателю книги, если, конечно, обвинения будут доказаны⁷.

Академик Фус в собственном проекте устава, представленном в Главное правление училищ, защищал «благоразумную» свободу печати, указывая на бесполезность строгих ее ограничений, «подавляющих искренность, парализующих умы... <...> ..Остаточных распространение просвещения». Просветительский пафос этого документа не помешал автору сохранить в нем требование предварительного цензурования сочинений, противоречащий принципу свободы печати. Именно этот проект был утвержден 9 июня 1804 г. как цензурный устав⁸.

В уставе говорилось, что ни одно сочинение не может быть напечатано или пущено в продажу в Империи Российской, минуя цензуру. При всей умеренности творение Фуса и Озерецковского давало огромный простор распространению политической, научной, философской литературы. Однако его нельзя считать в строгом смысле либеральным, так как устав устанавливал пусть мягкий, но всеобъемлющий контроль за печатной продукцией. С другой стороны, устав не мог помешать откровенным репрессиям против литературы, которые развернулись во второй половине alexандровского царствования.

Цензурный устав 1804 г., учитывающий опыт европейских стран, вышел таким образом из недр того же учреждения, которое в то время занималось выработкой университетских уста-

вов — Главного правления училищ. Составляли их одни и те же люди. Вот почему эти документы перекликаются в части определения компетенции и механизма осуществления цензуры. 4-й параграф устава определял, что для рассмотрения книг и сочинений при университетах учреждаются цензурные комитеты из профессоров и магистров, каждый из которых рассматривает книги, вышедшие в данном учебном округе. Цензурные комитеты должны были заседать с определенной периодичностью, цензоры, составляющие их, распределяли между собой книги и сочинения, поступающие в цензуру, и должны были составлять о них свои отзывы. Только в том случае, если цензор сомневался в оценке благонадежности сочинения, последнее рассматривалось в общем собрании цензурного комитета, а в случае «сомнений» самого комитета сочинение представлялось через попечителя учебного округа в Главное правление училищ. Такой механизм цензуры со своей стороны обуславливался принципом автономии университета и его независимости в своих «ученых» штудиях, что определялось университетскими уставами. Никакое другое правительственное учреждение не могло вмешиваться в дела цензуры.

Параграф 16-й предписывал цензору в случае, если он найдет некоторые места в сочинении «противными Закону Божию, правлению, нравственной и личной чести какого-либо гражданина», не делать самовольных поправок, но, отметив «сомнительные» места, отослать к автору или издателю, чтобы те сами изменили текст. После исправления рукописи цензор давал разрешение на печатание. В случае, если все сочинение целиком осуждалось цензурным комитетом, автору объявлялись причины запрещения, а рукопись оставалась в комитете (§ 18). О противоправительственных и «опасных» сочинениях комитет обязывался доносить властям и сообщать имя сочинителя «для поступления с ним по законам» (§ 19). Впрочем, цензорам рекомендовалось быть снисходительными. В случаях, «когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл... <...> ...Лучше истолковать его выгоднейшим для сочинителя образом, нежели преследовать»⁹.

За напечатание рукописи, не одобренной цензурой, весь тираж должен был быть конфискован в пользу Приказа общественного призрения. Печатание книги откровенно крамольной грозило автору и издателю судом, а самой книге — сожжением.

Текст устава, впрочем, содержал один любопытный параграф, где, вопреки вышесказанному, признавалась свобода сочинителя в «исследовании всякой истины, относящейся до веры, челове-

чества, гражданского состояния, законоположения», государственного управления, которое должно пользоваться, как сказано, «всякой свободой тиснения, возвышающего успехи просвещения»¹⁰. Противоречие приведенного заявления состояло в том, что устав писался именно для того, чтобы эту «свободу» ограничить.

Официально считалось после принятия устава, что в России установилась «свобода тиснения». Не случайно министр народного просвещения П. В. Завадовский, представляя императору проект устава, писал: «Сими постановлениями ни мало не стесняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойные меры против злоупотребления оной»¹¹.

Разумеется, многие параграфы устава так и остались декларациями, например, параграф, запрещающий цензору пристрастное толкование, и параграф, провозглашавший, что сочинитель свободен в «исследовании истины». Непрофессионализм, личные интересы и амбиции, зависимость цензоров от властей, при том что они являлись университетскими профессорами, оставались и усиливались с годами. Самым либеральным и продуктивным для отечественной публицистики и литературы был первый период действия устава 1804 г., когда его принципы еще не были дополнены новыми гласными и негласными ограничениями.

С 1814 г. надзор за иностранными книгами законом был передан из ведомства Министерства народного просвещения в Комитет министров, несмотря на то что А. Н. Голицын возражал против этой меры. Впрочем, реально поток иностранной литературы в России давно регулировался системой частных административных распоряжений, а с 1813 г. еще и «Индексом запрещенных книг», по примеру европейских, публиковавшимся из года в год. С каждым годом количество названий книг, приведенных здесь и не допущенных к ввозу в Россию, увеличивалось.

И все же установка на развитие просвещения всеми возможными способами породила, особенно на первых порах, настоящий переворот в отношении общества к литературе художественной и научной, публицистике. «Прекратилась жестокая и глупая цензура. Заговорила русская литература, дотоле немая и заклепанная», — пишет Н. И. Греч¹². На порядок выросли тиражи и качество издаваемой литературы.

О степени оживления литературы говорит статистика. Между 1801 и 1806 гг. было напечатано 1304 сочинения в 2175 томах, принадлежащие 844 авторам; в среднем ежегодно печаталось до

435 книг. Тогда как за все екатерининское царствование было издано 540 переводных романов (в среднем по 18 в год), за годы царствования Павла — 62 (в среднем по 10 в год), а за первые четыре года нового царствования — 346 (в среднем по 86 в год). По этим цифрам можно судить о динамике роста печатной продукции и других жанров¹³. Интенсивность литературной деятельности в это время резко возросла. А. Ф. Мерзляков так писал об этом: «С восшествием на престол любознательного, мудрого государя... все устремились с невероятным рвением к обработке российского слова. <...> В сие время блистательно обнаружилась охота и склонность к словесности во всяком звании». А. Ф. Мерзляков назвал эти годы «самым счастливейшим, золотым, невозвратным временем» своей жизни¹⁴. В первые годы XIX в. российский читатель смог познакомиться с целой библиотекой новейшей и частью до тех пор неизвестной в России литературы. В этом списке были Дидро и Рейналь, другие французские публицисты и писатели XVIII в.; не издававшиеся в России до тех пор Монтескье, Адам Смит, Делольм, Бентам и др. Сочинения исторические, юридические, философские соседствовали с шедеврами изящной словесности. Примечательно, что многие из перечисленных выше авторов и произведений были напечатаны «по высочайшему повелению», а план их издания был намечен еще во время существования оппозиционного кружка великого князя в 1796—1797 гг. 27 сентября 1797 г. Александр писал Лагарпу: «Мы (то есть он сам, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов и А. Чарторыйский. — Т. Ж.) предполагаем в течение настоящего царствования поручить перевести на русский язык сколько возможно полезных книг, но издаваться будут только те, печатание которых будет дозволено, другие же мы прибережем до будущего времени, чтобы положить начало распространению просвещения, насколько это возможно»¹⁵. На основании списка книг, изданных в следующее десятилетие, можно судить о том, насколько обширной и хорошо продуманной была программа книгоиздания у «молодых друзей».

В начале 1800-х гг. была напечатана книга «Пифагоровы законы и нравственные правила», авторство которой принадлежит одному из деятелей французской революции, участнику «заговора равных» Бабефа Сильвену Марешалю¹⁶, в переводе И. Мартынова появилась книга «Дух, или Избранные мысли Жан-Жака Руссо» (1801), в переводе Д. Языкова — книга Беккариа «Рассуждение о преступлениях и наказаниях» (1803), в том же году в Смоленске, а в 1812 г. в Москве вышло издание «Дух, или Избранные

сочинения г. Вольтера», в 1803 г. издана переписка Вольтера с Екатериной II, включающая 77 избранных писем. В 1805 г. вышел первый том «Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении» Иеремии Бентама (в обработке Этьена Дюмона), в 1806 г. — второй том, в 1811 — третий. Установлено, что под именем переводчика Михаила Михайлова скрывался М. М. Сперанский¹⁷. В 1806 г. вышел перевод книги Делольма «Конституция Англии», в 1809 г. — трактат Монтескье «О сущности законов». Была издана книга А. Смита «Исследование о причинах богатства народов». Между 1805 и 1811 гг. появилось 6 частей перевода «Философической и политической истории о заведении и коммерции европейцев в обеих Индиях» Рейналя, выполненного, правда, с большими купюрами. Эта книга содержала резкий протест против рабства и насилия над колониальными народами. Антикониальная тема звучала в художественных произведениях, таких как, например, стихотворение Н. И. Гнедича «Перуанец к испанцу» (1805). Обращение представителя покоренного племени к завоевателю порождало у читателя, уже знакомого с подобными приемами по литературе последней трети XVIII в., ряд ассоциаций, в том числе возможность сопоставления картин колониального рабства с положением российских крепостных. Искушенный читатель понимал, что перуанцы, манчжуры, китайцы и прочие «неевропейцы» служат авторам только статистами для проведения мысли о нетерпимости нарушения человеческих прав.

В 1802 г. было издано рассуждение профессора Московского университета Христиана Шлецера, сына Августа Шлецера «Слово о том, что справедливый и мудрый государь сам никогда не судит своих подданных...». Приветствуя занятия нового царя внутренним благоустройством страны, автор дает ему несколько важных рекомендаций. Так, Шлецер заявляет, что государь не может быть судьей «в спорах, происходящих о государственной казне, или в преступлениях, учиненных против царского лица», так как нельзя в одно и то же время быть судьей и истцом. Размышления Х. Шлецера о законе обнаруживают в нем приверженца доктрине «законной монархии». Он считает, что закон должен быть равен для всех, в этом равенстве и заключается «истинная вольность». «Российские законы для всякого священны. Сам государь, хоть он и превыше закона, не исключает себя из общих правил». Что касается суда, то Шлецер говорит о необходимости установления в нем гласности, или, как он выражается, суд «должно производить не скрытно, но явно»¹⁸.

Увлечение Шиллером привнесло в литературу начала XIX в. тему протеста, тираноборчества, прославления мятежной индивидуальности. На русском языке появилось немало переделок шиллеровской драмы «Разбойники». Н. Гнедич в соавторстве с еще одним литератором, не раскрывшим свое имя, перевел пьесу «Заговор Фиеско». В 1805 г. был напечатан перевод трагедии «Брут, или Освобожденный Рим» Лафонтена. Система образов «героической трагедии» прочитывается в призыве Брута: «Римляне, будьте мужами. Любите вольность, квирицы, любите вольность». Народ отвечает своему «освободителю»: «Мы любим ее! Да умрут тираны! Мы любим вольность»¹⁹.

Политические аллюзии вызывали и появившиеся в эти годы сатирические произведения. Наиболее известными были басни, приписываемые Д. В. Давыдову — «Орлица, Турухтан и Тетерев», «Голова и Ноги», а также басня, являющаяся переложением с французского поэта Сегюра «Река и зеркало». Последняя написана И. Г. Аристовым, членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В этих текстах обсуждалась тема «неумной власти», отношений власти и народа, государственных пороков.

В «Периодическом издании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» в 1804 г. была напечатана статья В. В. Попугаева «Негр. Перевод с испанского». Она также была обращена против рабства во всех его проявлениях. Ассоциативно обличения Попугаева могли быть отнесены и к российским крестьянам-невольникам. Попугаев писал: «Кто позволил вам делать невольниками собратий ваших? Негр не может принадлежать белому ни по каким правам. Воля не продажна, цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран располагать ею не должен»*. В том же журнале печатались статьи Попугаева о воспитании, в которых автор посягает на сословные предрассудки, говоря, что место человека в обществе определяется не его происхождением, а заслугами и способностями. Высокого положения в обществе достойны не только дворяне, ибо «великие и чрезвычайные умы находятся во всех состояниях и во всех народах». Определяя особое место истории в воспитании гражданина, Попугаев порицает традицию историописания, согласно которой история народов сводится лишь к показу деятельности царей, особенно тиранов. «Пример тирана... может научить

* Это произведение было позже перепечатано в журнале «Талия», издаваемом Бенитским.

тиранствовать свирепое или слабое сердце», поэтому история должна быть «зерцало для великих». В не дошедшем до нас сочинении Попугаева «Опыт о благоденствии народных обществ» (написанном не позже 1805 г.) были и такие свободололюбивые суждения: «...и по сие еще время народы часто страдают от ига деспотов, и до сих пор тираны от времени до времени железною рукою утесняют слабых. <...> Первое, что могут и должны сделать народы для утверждения колеблющегося своего равновесия и спокойствия, есть освободить землепашцев от бремени их гнетущего. <...> Европа должна положить священным, неизменным, твердым законам нерушимость прав землепашцев». Эти места из сочинения Попугаева были приведены в сохранившихся замечаниях на него Д. Языкова и А. Востокова²⁰. Очень близки позиции Попугаева и стилистике «тираноборческой» поэзии стихотворения И. Борна, выпущенные в альманахе «Свиток муз». Это «Ода Калистрата» и «На смерть Радищева». Радищева автор представляет как поборника истины, которую тот осмеливался вещать, «тревожа слух вельможный», а его гибель расценивается как огромная потеря для общества.

Еще одной общественно значимой темой в публицистике и литературе тех лет была борьба против феодальных предрассудков и ханжества. Наиболее откровенен протест И. П. Пнина в произведении «Вопль невинности, отвергаемой законами», посвященном положению незаконнорожденных в обществе. Автобиографичность сюжета прибавила произведению эмоциональной силы. Видимо, инвективы Пнина против сословного брачного законодательства (брака, который «большею частью не что иное изображает, как подлый торг богатства и тщеславия, как совокупность имений, а не союз людей») показались отвечающими «духу времени», потому что сочинителю был пожалован от императора перстень. Весьма радикальные нотки звучали в других произведениях И. П. Пнина: «Оде на правосудие», весьма широко известной в публике, стихотворении «Царь и придворный». Самым крупным его произведением был трактат «Опыт о просвещении относительно к России», первое издание которого вышло в 1804 г., второе же всего через два года было уничтожено цензурой. Через Н. Н. Новосильцева Пнин представил свою книгу Александру I и даже получил денежное вознаграждение. Александр предложил автору переиздать сочинение за счет казны, но в цензурном комитете, куда попало сочинение, был составлен резко негативный отзыв о возможности его распространения (автором документа был Г. М. Яценков). Комитет согласился

с цензором и не только запретил переиздание книги, но распорядился изъять из книжных лавок нераспроданные экземпляры первого издания. Пнин обжаловал решение цензурного комитета в Главном правлении училищ, объясняя, что места книги, признанные «сомнительными», навеяны «Наказом» Екатерины II и поэтому не могут считаться противоречащими видам правительства, и что «дополнения» к тексту первого издания, касающиеся образования простого народа, написаны «по воле монарха». Однако апелляция успеха не имела, и «Опыт о просвещении» остался в числе запрещенных сочинений. Пнин ответил на это известным памфлетом «Сочинитель и цензор. Перевод с манчжурского». Памфлет был напечатан в 1805 г. уже после смерти автора и способствовал созданию вокруг его имени своеобразного «мученического ореола», подобно тому, как венец мученика навсегда остался за А. Н. Радищевым.

Благодаря пробуждению интереса к «общественным вопросам» и либерализации цензурных условий разительные перемены произошли в облике русских журналов того времени. В 1800-х — начале 1810-х гг. появляется совершенно новый тип журнала — на смену утилитарно-образовательным и развлекательным изданиям приходит журнал, где проблемы политики сосуществуют с новинками литературы.

Первым журналом, обсуждавшим в числе прочих «новости политические» и общественные и имевшим огромную популярность, был «Вестник Европы», издававшийся в 1802—1803 гг. Н. М. Карамзиным, затем П. П. Сумароковым, П. И. Макаровым, М. Т. Каченовским и В. А. Жуковским. Тон журнала был проправительственным: издание постоянно восхваляло «добродетельные» и гуманные распоряжения власти. Информация о «европейских происшествиях» после долгих лет безмолвия была весьма актуальна для читателя. В традициях журналистики XVIII в. Карамзин стремился воспитывать читателя, прививать ему «правильный» вкус и «правильные» политические мнения. Не раз «Вестник Европы» благожелательно высказывался об английской конституции. В № 7 за 1802 г. был помещен отрывок из книги известного немецкого историка Архенгольца под названием «О силе Англии». Здесь говорилось о том, что причина великих успехов Англии в течение последних ста лет «в ее законах, мудрых учреждениях, государственных правилах, оживляющих деятельность народа, а особливо в меньшей свободе других государств». В одной из статей № 13 за тот же год можно было прочесть сочувственный отзыв о парламентской системе. Автор

отзыва с восхищением отмечал зависимость министерской власти от парламента. «Как скоро, — писал он, — министр вздумает сделать что-либо неогласное с выгодами народными, то голос общества загремит против него».

В духе времени «Вестник Европы» поднимал вопрос о взаимоотношениях монарха и закона, пропагандировал распространение просвещения. В этом отношении особенно замечательна статья в № 5 за 1803 г., написанная в связи с изданием Министерством народного просвещения «Предварительных правил». Автор считал «главным благодеянием», могущим из этого последовать, возможность увеличения числа сельских школ. Сочувственно отзывался журнал и об организации в Московском университете публичных лекций (№ 23—24, 1803), считая, что это будет способствовать пропаганде просвещения.

Собственное место среди изданий первого десятилетия XIX в. занял и журнал «Северный вестник» И. И. Мартынова, переводчика, издателя, состоявшего директором канцелярии Министерства народного просвещения, который придерживался умеренно-либеральных идеалов в английском духе. По поручению Александра, еще великого князя, именно Мартынов переводил сочинения английского философа Стюарта, политического деятеля эпохи революции Кондорсе, Верри — последователя Веккариа в Англии. Предпринимая издание «Северного вестника», Мартынов получил материальную поддержку от Александра, по его собственным словам, «от монарших щедрот по 3 тысячи рублей в оба года»²¹. «Северный вестник» был способен рассуждать о цензуре (этому посвящена статья В. Г. Анастасевича «Мнение короля шведского Густава III о вольности книгопечатания»). Фактически автор выступал за свободу печати, которая нужна, по его выражению, для «открытия государю мнения народа»²².

Англофильские политические пристрастия журнала заявлены были, например, в статье «Опыт о Великобритании и последственные рассуждения», где в конечном итоге поднимается вопрос, что нужно для того, чтобы какое-либо государство могло приблизиться к Англии? Конечно, при этом имелась в виду Россия. Ответ на этот вопрос сводится к перечислению необходимых мер в законодательной и сословной сфере. Но кроме того, по мнению автора статьи, которым был статс-секретарь Н. Н. Муравьев, необходимо уравнение всех перед законом и наделение всех правом приобретения ненаселенных земель²³.

Интересен своим разнообразием «Журнал российской словесности», издававшийся с 1804 г. Н. Брусиловым при участии

И. П. Пнина, а также газета «Гений времен» О Шредера и И. Делакроа. Широкие просветительские задачи ставили перед собой ведомственные издания: «Санкт-Петербургский журнал» (1804—1819), ставивший своей целью информирование о правительственных распоряжениях и их комментирование, его преемница — газета «Северная почта» (официальный орган Министерства внутренних дел), издававшаяся с 1809 г. К этому ряду примыкают «Политический, статистический и географический журнал» (1807—1830), который освещал почти исключительно вопросы внешней политики.

В первые годы своего издания «Санкт-Петербургский журнал» (как и «Северная почта») держался только подпиской, однако число подписчиков ввиду обостренного интереса к внутренней политике и правительственной деятельности всегда было достаточно большим. Когда редактором был М. Л. Магницкий (общее наблюдение за журналом принадлежало М. М. Сперанскому), все же пришлось прибегнуть к субсидиям²⁴.

Интересно, что «Санкт-Петербургский журнал» помещал политические статьи и совсем не печатал беллетристики. Зато журнал помещал отрывки из «серьезных» авторов: Смита, Бентама, Рейналя, Сея, Верри и др. Иногда отрывки сопровождались примечаниями издателя, несущими отпечаток официального либерализма. Так, в № 1 за 1804 г. появилась статья «О необходимости утверждать законы на причинах», перевод из Бентама. В примечании говорилось, что целью законодателя должно быть достижение общественного благосостояния. Последнее заключается в безбедном существовании, равенстве всех перед законом, безопасности. Другой отрывок из Бентама «О пользе обнаружения отчетов» появился в № 1 за 1804 г. В № 2 — его же «О распространении познания законов», «О пользе просвещения», в № 8 — «О безопасности». Нередко в журнале полностью печатались высочайшие указы, рескрипты, министерские доклады и другие официальные документы, что само по себе создавало иллюзию «прозрачности» и подконтрольности общественному мнению правительственной деятельности.

Второе десятилетие XIX в. несло еще большее оживление в русскую периодику и, главное, значительное увеличение политических тем. В это время оформляется как жанр политическая хроника, появляется много аналитических статей, предлагающих читателю не голые «новости», а аргументированную точку зрения. Однако можно заметить, что наиболее тиражные издания находились под довольно жестким контролем правительства

и если помещали на своих страницах острые или «либеральные» по духу материалы, то либерализм этот был заказным. В этом факте отражается тенденция нового периода общественного оживления, который пришелся на 1815—1820 гг.

Весьма характерным по своей эклектичности образцом русской полуофициальной публицистики второго десятилетия XIX в. был еженедельник, издававшийся цензором Г. М. Яценковым с 1815 по 1820 г., под названием «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего в других журналах по части истории, политики, законодательства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.»

Журнал Яценкова по замыслу издателей должен был знакомить русскую публику с лучшими образцами европейской политической публицистики. Сразу заметим, что невысокий литературный уровень журнала, возможно, ограниченный политическим и литературным дилетантизмом редакции, и невыдержанность в подборе материалов не способствовали достижению поставленной задачи. Журнал не стал рупором либерализма и просветительства, значительно уступая по популярности «Сыну Отечества» или «Вестнику Европы».

Экономические сюжеты, освещаемые «Духом журналов», не позволяют говорить о последовательной приверженности старине или, наоборот, о здоровой дозе либерализма в отношении системы хозяйствования, отношения к труду и праву собственности. Так, некий либеральный рецензент отреферировал в номере за 1818 г. изданную десятилетием раньше книгу польского экономиста Валериана Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами». В рецензии говорилось даже, что автор во многом уточняет и дополняет Адама Смита, распространяя его приверженность принципам экономической свободы и на сельскохозяйственные страны. Подчеркивалось, что Стройновский настаивает на необходимости «народного воспитания», которое «в хозяйственном отношении было бы полезно для обоюго пола». Рецензент решается признать, что польский экономист, как и Смит, является приверженцем экономического либерализма и сторонником мелкой крестьянской земельной собственности и договорных отношений помещиков с крестьянами, ибо «общественное благосостояние основывается на безопасности собственности каждого и на свободе употреблять оную, яко на двух главных предметах, которые всегда были и будут существенною целию всякого гражданского общежития»²⁵.

Полемика в русской прессе вокруг вопроса о необходимости и путях ликвидации крепостничества не могла стать широкой и гласной, так как правительство вначале жестко контролирует, а потом и вообще пресекает как выступления в защиту крепостного права, так и объективно антикрепостнические суждения. Но все же по русским журналам 1800—1810-х гг. можно составить представление о том, что эта тема прямо или завуалированно возникала всякий раз, когда речь шла о сравнительных достоинствах и недостатках различных систем хозяйствования, налогах, экономических теориях. Позиции официальных и неофициальных изданий во взгляде на крестьянский вопрос противоречивы, так как те и другие предлагали материал без системы, к тому же часто он не отличался оригинальностью, а был всего лишь перепечаткой из иностранных газет.

И все же можно сказать, что эта табуированная тема затронула русского читателя. В 1815 г. в «Вестнике Европы» появился перевод статьи А. Косинского «Замечания на мысли об устройении счастливейшего быту крестьян польских», где автор порицал безземельное освобождение крестьян в 1807 г. в Герцогстве Варшавском, что, по его мнению, усилило отторжение их от землевладельцев и породило массовое бродяжничество²⁶.

«Дух журналов» чаще всего занимал сторону крепостников. В ряде материалов авторы журнала противопоставляли «благоденствие» русских крепостных положению крестьян в западных странах. Так, в 47-й книге журнала за 1817 г. была опубликована «Выписка из частного письма из рейнских областей», где описывались массовые переселения крестьян, приносящие свободным немецким крестьянам неисчислимы бедствия. Ход рассуждений корреспондента был примитивен: «О несчастное слово *вольность!*.. Здешние мужики все *вольны*, вольны как птицы небесные, но так же, как сии, бесприютны и беззащитны, погибают от голода и холода. Как бы они были счастливы, если бы закон поставил их в неразрывной связи с землею и помещиками!»²⁷ Издатель был совершенно согласен со своим корреспондентом и уверял читателя, что патриархальные отношения помещиков с крестьянами, свойственные большинству российских владений, — это идеал социального устройства. В 1820 г. в нескольких номерах «Духа журналов» помещаются замечания на книгу Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» (1818) Рецензент поучительно и велеречиво выговаривает ее автору, теоретику последовательно либеральной системы хозяйствования о том, что в книге, якобы, много «мест, с истиною несо-

образных, и самих ошибок». Ошибки усмотрены в трактовке коренных понятий. Критик от «Духа журналов» (судя по всему, это сам издатель) предлагает собственное определение понятиям «свободы» и «закона», противопоставляя их друг другу, отождествляя свободу с вседозволенностью, снижая при этом привлекательность самого термина. «Что есть свобода? Воли неограниченное действие: я свободен делать зло и добро, глупо и умно действовать, своевольничать, как мне рассудится... Что есть закон? Закон есть ограничивание свободной воли тварей в границах правды, блага и порядка»²⁸. Вместо конкретного разбора сочинения Тургенева в «Замечаниях» предлагается кредо антилибералов.

Позиция защитников «традиции» свойственна и другим изданиям. Как полагал издатель «Русского вестника» Сергей Глинка, одна из благородных задач русской печати — «показывать, что у нас есть *отцы-помещики*, достойные сего названия потому, что *нужды их поселян суть собственные их нужды*»²⁹. В «Духе журналов» в том же 1817 г. была помещена статья «русского дворянина господина Правдина» «Сравнение русских крестьян с иноземными», автор которой (возможно, и на этот раз в роли автора выступил сам редактор — Г. М. Яценков) обрушился на тех, кто считал свободное состояние иностранных крестьян условием процветания, а крепостное право в России порочным и экономически невыгодным. «Господин Правдин» утверждал, что русские крестьяне «гораздо счастливее» иностранных³⁰. В 1818 г. устами Правдина «Дух журналов» пытался доказывать преимущества барщины перед оброком. Однако при этом признавалось, что крестьяне ненавидят барщину, и эта ненависть часто вызвана зверским обращением помещиков. В той же статье говорилось, что преодолеть отрицательные стороны крепостничества легко, достаточно только, чтобы губернаторы были «бескорыстные, умные, человеколюбивые, вежливые и сведущие в сельском хозяйстве»³¹. Позиция журнала была откровенно крепостнической, что проявилось в возражениях редактора своим оппонентам, «самозванным политикам», как он их называет, которые осмеливались сравнить крепостную зависимость с рабством. Яценков доказывал, что «крепостное состояние наших крестьян. <...> *Не есть рабство*». «У нас не только нет рабства на самом деле, но и слова сего — раб — употреблять не велено»³².

Наиболее резкой и аргументированной репликой в защиту свободы стала статья «О состоянии иностранных крестьян», по-

мещенная без указания авторства в «Сыне Отечества». Установлено, что она принадлежала А. П. Куницыну. Автор убедительно доказывал, что «свобода для иностранного крестьянина есть слово не пустое, но имеющее вещественное значение». «Первое важнейшее право иностранного крестьянина, — писал Куницын, — состоит в том, что он сам себе принадлежит и не переходит из рук в руки посредством мены, продажи, дара, наследства и других сделок, но всегда остается своим господином». У иностранного крестьянина никто не может отобрать детей, он сам по своему усмотрению исполняет работу, «по собственному побуждению, а не по наказу трудится прилежно, имея несомненную надежду улучшить свое состояние»³³.

Вскоре после столкновения «господина Правдина» с либеральными литераторами всякая полемика о сравнительных достоинствах и недостатках положения русских крестьян стала невозможна. Поводом к официальному запрещению разговоров на эту тему стала еще одна антилиберальная публикация в «Духе журналов». На этот раз читателю предлагалось не частное суждение, а авторитетная позиция лица, облеченного властью. Дело в том, что в 12-й книге журнала за 1818 г. была опубликована речь, произнесенная малороссийским военным губернатором Н. Г. Репниным при открытии дворянских собраний в Полтаве и Чернигове в январе того же года. Оратор, своеобразно понимая свою миссию, призвал дворян, не занятых государственной службой или службой по выборам, «послужить Отечеству» в своих поместьях, заботясь о благе своих крестьян, превращая поместья в «добронравные и благополучные семейства», но «не нарушая спасительной связи» между помещиками и крестьянами. Так, полагал Репнин, дворянство может подражать правительству в гуманности. Единственным реальным способом «облегчения» положения крестьян, заявленным в речи, было требование «определить обязанности» помещичьих крестьян. Эта позиция, которой издатель явно симпатизировал, как раз расходилась с позицией Александра I, готового в 1818 г. пойти на более радикальные меры по освобождению помещичьих крестьян³⁴. Вскоре после этой публикации гласное обсуждение крестьянского вопроса в печати стало невозможным. Министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын даже сделал выговор попечителю Петербургского учебного округа С. С. Уварову, в чьем ведении находилась цензура столичных изданий, за то, что пропускаются материалы, подобные репнинской речи, без специального на то разрешения. Вообще цензуре было указано, чтобы «ни под ка-

ким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных, ни вообще, материй, касающихся до распоряжений правительства»³⁵.

Что касается формирования политических симпатий и антипатий русской читающей публики, то и в этом смысле журналы александровского времени сыграли решающую роль. Вот почему представления о преимуществах конституционного правления перед неконституционным, о сравнительных достоинствах различных государственных систем к концу 1810-х гг. были уже достаточно четко оформленными.

Знакомство российского читателя с действующими европейскими конституциями состоялось еще в первом десятилетии XIX в. благодаря «Вестнику Европы», первому по времени изданию, предназначенному вводить соотечественников в круг европейской политики. В 1802 г. здесь помещались сведения о принципах различных французских конституций. В 1812 г. испанская конституция кортесов была переведена на французский язык для Александра I и в таком виде опубликована отдельным изданием в Петербурге. Отдельные ее статьи были перепечатаны «Вестником Европы»³⁶. Правда, переводчик заменил понятие «конституция» выражением «государственный устав». В 1816 г. «Вестник Европы» предложил читателю обозрение конституции Норвегии, принятой в 1811 г.³⁷

«Дух журналов» поместил извлечения из конституций Баварии и великого княжества Баденского³⁸. «Сын Отечества», издававшийся «либералистом» Николаем Гречем, наиболее полно информировал российского читателя о содержании действующих европейских конституций. В редакционных комментариях прочитывались прозрачные намеки на предпочтительность и сравнительную «уравновешенность» конституционно-монархического типа правления в сравнении с неограниченным.

В 13-й книге «Сына Отечества» за 1814 г. был помещен перевод «Конституции французского королевства», а в 14-й книге перевод Хартии Людовика XVIII.

Среди статей о сравнительных достоинствах различных государственных устройств выделяются обзоры положения Соединенных Американских Штатов. Одним из корреспондентов-американофилов, помещавшим свои материалы в «Сыне Отечества» и «Духе журналов», был Павел Свиньин.

«Соединенные Американские области, — пишет он, — представляют наблюдателю пример небывалый в летописях истории... Американцы показали себя совершенно достойными наслаждаться теми правами истинной вольности и счастья, которые были первою основою духа их правления, превышающего, по моему мнению, в сим отношении и древние республики. Законы Американские кажутся установленными для доброго, мудрого народа, умеющего содержать себя в границах прав человеческих и общественных»³⁹. В статье приводится текст американской конституции. Восхищает российского корреспондента демократизм американских нравов, источником которого является не привычка и воспитание, а установленный свыше закон: «...сын первого банкира ходит в одну школу с сыном беднейшего поденщика», так что образование доступно всем. Подобное гармоническое устройство стало следствием единственной в своем роде революции, которая, по мнению наблюдателя начала XIX в., обернулась благом для нации. Традиция осуждения всякой революции как буйства и безначалия, пагубного для авторитета государства и народной нравственности, в случае с американской революцией уступала место если не восхвалению революции, то признанию ее бесспорно благих результатов. Однако американский опыт воспринимался как уникальный. Русский обозреватель рассуждает уверенно: «Революция американская не может быть уподоблена никакой другой, и, конечно, надобны были необыкновенные причины, чтобы произвести то удивительное всеобщее согласие, коим американцы превозмогли все неопределимые препятствия»⁴⁰.

Не раз журнал возвращается к освещению текущих событий в заокеанской республике. В прибавлении к № 17 «Сына Отечества» за 1817 г. помещалась речь президента Монро в Конгрессе, стержнем которой стала мысль о преимуществах конституционного образа правления. «Только с утверждением Конституции, — говорилось здесь, — государство может достигнуть значительных успехов. Куда ни обратим взор, на внешние или внутренние сношения, везде найдем причины к удовольствию... Конституциею утверждены сношения наши с другими нациями и областей наших между собою». Особой причиной успеха конституционного управления в Северной Америке оратор считает уровень просвещенности нации. Государство, населенное «просвещенным, независимым, добродетельным» народом, здорово и сильно. Надежнейшей гарантией свободы названы, таким образом, не учреждения и государственные постановления, а просвещение народа⁴¹.

Идеи конституционной монархии пропагандируются и «Духом журналов». В то же время этот орган пытается заподозрить европейских либералов в тщеславии, корыстных побуждениях, а европейские конституционные порядки в нестабильности. Оценки различных конституций поэтому не получают какой-либо последовательности. Так, в статье «Взгляд на нынешнее положение Франции», опубликованной в период премьерства Ришелье, автор в своих оценках мечется между официальной, весьма скромной и аморфной, трактовкой либерализма и собственной ненавистью к партии «независимых», возглавлявшейся Б. Констаном. «Друзья истинной, то есть законной свободы, — уточняет автор, и это уточнение само по себе характерно, — которая в Европе царствовать должна, и которая рано или поздно восторжествует, не могут не пожалеть, что колыбель сей свободы поручена такому легкомысленному народу, каковы французы»⁴². Либералов, которые благодаря своей последовательности добились большинства голосов на выборах, «Дух журналов» обвиняет в своекорыстии. «Независимые» (либералы) и роялисты являются совершенными противоположностями: как последние «в системе своей слишком склонны к самовластью, так независимые всякой власти чуждаются: это две крайности, которые правительство сблизить старается. Независимые захотели захватить в свои руки вожди (так! — Т. Ж.) правления и расположили свои замыслы так, чтоб все выборы депутатов пали на их приверженцев: сим способом они могли быть уверены в первенстве... <...> Все сие отнюдь не ради пользы общественной, но почти всегда из частных видов. Более всех ополчались либеральные журналы “Минерва” и “Конституционный”, чтобы унижить министерство. <...> Большая часть этих поборников свободы вышла из школы Буонапартовой полиции, где они были ревностными орудиями своего владыки, а о вольности и заикнуться не могли»⁴³. Либерализм в представлениях авторов журнала не приближает к «истинной свободе», а уводит от нее. Однако «французской», ложной свободе противопоставляется некая иная, не выходящая за рамки «закона» (надо понимать, провозглашенных Александром I в Варшаве «законно-свободных учреждений»), естественные пределы которой полагаются сохранением сильной монархической власти. «Слава богу! — восклицает корреспондент, — свобода в России есть!» Очевидно, настоящий порядок вещей и без обещанной императором конституции его вполне устраивал. В том же духе написана статья «Различие между патриотом и демагогом», где под демагогом, восстающим против правительства по всякому пово-

ду ясно усматриваются либералы и «либералисты» всех мастей. «Патриот», разумеется, защитник традиций и настоящего порядка вещей.

В другой статье «О системе представительного правления» журнал подробно информирует читателя о парламентских разногласиях и политике французского министерства. Попутно высказываются доводы о преимуществах двухпалатной системы перед однопалатной⁴⁴.

Таким образом, очень часто «Дух журналов» допускает подмену самого понятия конституции, противопоставляя ее традиции, отождествляя либеральные идеи с вольнодумством. Подобные представления были свойственны российским критикам Великой французской революции, писавшим в 1790-х гг. Н. М. Карамзину, братьям А. Р. и С. Р. Воронцовым. Для второго десятилетия XIX в. это — архаизированная и откровенно консервативная позиция, иногда прикрытая либеральной фразой, почерпнутой из официальных деклараций императора.

В то же время «Дух журналов» проявляет стойкий интерес к Соединенным Штатам, помещая на своих страницах заметки об истории и географии этой страны, ее экономическом положении и политическом устройстве. В трех номерах журнала помещены биографии выдающихся политических деятелей Соединенных Американских Штатов Вашингтона, Джефферсона и Мэдисона. Весьма любопытно помещенное здесь же «Письмо одного немца из Северной Америки» с рассуждением об особенностях американского конституционализма. «Конституция Американской Республики Соединенных провинций, — говорится здесь, — имеет все преимущества английской конституции, не имея, однако, ее недостатков. К сим преимуществам принадлежит, без сомнения, неограниченная свобода мыслить, говорить и писать. <...> Таким образом, производится спасительное трение мыслей, и истина всякая, наконец, превозмогает. Журналы и газеты, коих здесь великое множество и в которых каждый может свободно исчислить свои мнения, много способствуют тому, чтобы узнать общественное мнение и голос народа. <...> Всеобщее благосостояние народа в Соединенных провинциях, без сомнения, приписать должно свободному правительству и превосходной конституции, охраняющей права всех и каждого. <...> Американцы дали себе самую свободную конституцию и ей обязаны тем благосостоянием, коему подобного тщетно будет искать друг человечества в других государствах...»⁴⁵ Публикация о конституции США заявлена как «Письмо из Филадельфии». К письму редактор делает примеча-

ние о том, что описание устройства (то есть конституции, так как эти понятия употреблены как синонимы) США дается объективно, «без всякого суждения об одной и без приносивления к другим государствам. Само собою разумеется, что конституция республики отлична от конституции монархического государства, и образ правления, для одного народа превосходный, может быть, вовсе не годится для другого. Этого достаточно для предупреждения кривых толков»⁴⁶. То есть журнал заранее снимает с себя возможные обвинения в «конституционной агитации», разясняя, что он дает только «информацию». Эта реплика как раз свидетельствует о том, насколько осторожно умеренная и полуофициальная пресса касалась конституционных тем, и насколько далека она была от мысли об использовании конституционного опыта западных стран⁴⁷.

Демократизм американских нравов и политических традиций восхищает авторов и издателей журнала. Так, в одном из номеров за 1818 г. в отделе «Смесь» читатель получил краткую информацию о том, что в американской печати и в Конгрессе свободно обсуждается инцидент с покупкой дорогостоящей мебели для президентского дворца, заказанной Монро. Резюме издателя: «Что в свободном государстве столь свободно и открыто рассуждают о поступках правительства — это не удивительно, но чтоб правительство сочло нужным оправдываться пред мнением общим в таком маловажном деле: этого разве только от американского правительства ожидать возможно»⁴⁸.

В статьях «Государственный календарь Американских Соединенных Штатов» (1820, кн. 18) и «Конституция Северо-Американских областей» дано подробное описание устройства исполнительной, законодательной и судебной власти с явным предпочтением американского варианта перед аналогичным устройством других государств. Во второй статье говорится, что «власти законодательная, исполнительная и судебная проистекают от воли тех самых граждан или же уполномоченных, на коих оные действовать должны. Источник всякой власти в государстве есть народ. <...> Верховная власть в Америке принадлежит народу: он один имеет право переменить государственную конституцию и поставить на место ее другую»⁴⁹.

Апология американского образа правления не означала признания преимуществ республиканской конституции над монархической. Это была апология конституции как таковой, в том широком понимании (конституция как ненарушаемый государственный закон), которое употреблялось в конце XVIII — начале

XIX в. Формулу «законного правления» всякий волен был наполнить собственным содержанием. Конституционализм «Духа журналов» в этом случае корреспондирует с распространенным в начале XIX в. представлением о том, что политические формы определяются географическими, историческими, этнографическими особенностями данной страны или «нравом», «духом» того или иного народа и не могут быть изменены произвольно, без учета этих особенностей. Эту концепцию в 1810-х гг. развивали немецкие философы Луден, Г. Гердер, В. Шеллинг. Такая точка зрения отличала Н. М. Карамзина. Вот почему умеренный «Дух журналов» восхищается не конституционными идеями и формами как таковыми, безотносительно к национально-исторической среде, а совершенно конкретными ситуациями, проявлениями соответствия этих форм «духу» североамериканской культуры.

Еще одним объектом умственного и идейного притяжения политиков 1810-х гг. была Франция первых лет реставрации, где в который раз на памяти одного поколения производилась попытка примирения старого и нового — конституции и народного представительства с династией Бурбонов, буржуазных форм экономической и социальной жизни с аристократическими привилегиями, основ гражданского права с произволом властей.

Властителем дум русских «либералистов» 1810-х гг. был теоретик французского классического либерализма Бенжамен Констан. Русские журналы отразили на своих страницах основные постулаты его доктрины, тем более что идеал Констана — ограниченная монархия с юридически и фактически соблюденным принципом разделения властей — не противоречил заявленным в то время официальным приоритетам. В 1815 г. в «Сыне Отечества» появляется перевод одной из речей Констана в Палате депутатов под названием «Голос благородного француза». В этом тексте доказывается преимущество конституционной монархии перед иными типами государственного устройства и то, что наиболее полная индивидуальная свобода вполне достижима при монархии, ограниченной конституцией⁵⁰.

Одна из основополагающих установок Констана при рассуждении об идеальном для различных стран и народов государственном устройстве состоит в том, что идеальное устройство древних — республика с непосредственным волеизъявлением ее граждан при решении всех важнейших дел — не может быть воспроизведена в государствах современной Европы с их многомиллионным населением и неравенством в образованности, обычаях и политических претензиях различных сословных и националь-

ных групп. В своих статьях и трактатах, таких как «Об узурпации», «Принципы конституционной политики», парламентских речах, Констан в наиболее законченном виде сформулировал те принципы, которые ныне считаются символом веры классического либерализма. Свобода экономической деятельности, свобода слова, свобода ассоциаций, свобода образования и вероисповедания — вот те коренные права, которые не должны быть нарушаемы в конституционном государстве ни верховной властью, ни частными лицами. Перечисленные права и свободы, являющиеся свободами гражданскими, Констан считал более важными, чем политическую свободу. Последняя, то есть право гражданина участвовать в политической деятельности: избирать своих представителей в законодательные органы государства или самому быть избранным в законодательное собрание, называется им лишь гарантом свободы гражданской. Одна из важнейших функций верховной власти также заключается в обеспечении гражданину гарантий его неотъемлемых свобод⁵¹.

Кроме Констана объектом внимания русских журналов была Ж. де Сталь. Еще в 1800-е гг. издатели начали знакомить русского читателя с литературно-критическими сочинениями французской писательницы. В «Вестнике Европы» с 1814 г. появляются пространные отрывки из ее сочинений «О Германии», «Коринна или Италия». После смерти де Сталь здесь же публикуется ее биография, отрывки из книги воспоминаний «Десять лет в изгнании» и острополитического ее сочинения «Рассуждение об основных событиях французской революции»⁵². В 1818 г. «Дух журналов» также помещает отрывок из «Рассуждения...» с описанием преследований мадам де Сталь в годы террора⁵³.

Прямо перекликаются с положением Констана идеи воспроизведенного «Сыном Отечества» реферата книги «Краткая биография Конвента, или Нравственная и толковая картина семисот сорока девяти депутатов, составлявших собрание, именовавшееся конвентом», вышедшей в Париже. Антиреспубликанский пафос этого текста отчасти навеян рецензируемым сочинением, отчасти привнесен рецензентом. Исторические предания о древних республиках ввели в искушение современных законодателей и обернулись неисчислимыми бедствиями народов. Почему? «Республика может быть в самом деле хорошим правлением, как и все установления, которых польза является на опыте, но только когда она приспособлена к нравам, обычаям и религии народа. Можно сказать, что республиканское правление, существующее обычно в первом возрасте общественного состояния, возбуждает

великие воспоминания о добродетелях и преданности к Отечеству и простоте нравов. Вот от чего происходит пагубное заблуждение толпы полуученых, которые узнали республики из книг, мечтали об учреждении их в школах и старались основать их в клубах или в полях, не помышляя о том, что для восстановления в Париже правления Афин или Рима не доставало только неба Афин или Рима, их природы, их богов и всех их учреждений, не исключая и сословия рабов»¹⁴.

Мысль о преимуществах умеренно либерального (конституционного) правления и, с другой стороны, об исторической и национальной обусловленности форм и типов государственных учреждений проводил один из талантливых публицистов александровской эпохи, тогда — попечитель Перербургского учебного округа и Президент Императорской Академии наук С. С. Уваров в своей речи, сказанной на открытии в Главном педагогическом институте кафедр восточных языков. Его выступление прямо корреспондировало с только что произнесенной самим императором на открытии первого польского сейма либеральной речью. В ней Александр I, авторитетно защищая либеральные (или «законно-свободные», как он выразился) институты, обещал распространить блага представительного правления на все части империи. После этого эпизода свободно высказываться в защиту конституции не только стало можно, но именно эта позиция трактовалась как демонстрация лояльности, солидарности с официальным либерализмом.

Отголоском речи Уварова, в свою очередь, представляется статья А. П. Куницына «О конституции», помещенная в № 18 «Сына Отечества» за 1818 г. И Уваров, и Куницын в своей аргументации в защиту конституционного правления (весьма умеренного, приличного «духу времени», с одной стороны, и духу народа — с другой) восходят к Констану. Как и Констан, оба русских автора остаются в границах историзма при интерпретации современных и древних конституций. Куницын пишет: «Несчастья Франции произошли не от того, что она желала свободного, неизбежного постановления, но от стремления учредить образ правления, ей не свойственный и для всякого европейского народа неудобный. Французы, обольстившись свободой древних республик, захотели сами быть республиканцами, а потому и переходили от рабства к безначалию, а от безначалия к рабству. <...> Новейшие государства по их пространству и населению отличаются от древних республик и не могут присвоить себе их образа правления. Угнетенным народам потребен другой род свободы,

нежели тот, каковым наслаждались жители древней Греции и Рима». Идеал, выраженный Куницыным в этой статье, не выходит за институциональные рамки официального либерализма Александра I с его установкой на дарование «законно-свободных учреждений» самой верховной властью в обстановке внутренней стабильности при полной пассивности общества. Однако Куницын высказывается именно как представитель неофициальных кругов, или «общества». Из этого видно, что официальный и неофициальный конституционный идеалы в тот момент мало отличались друг от друга. Присущие пушкинистам и советским историкам общественной мысли попытки изобразить Куницына, талантливого лицейского педагога, популяризатора науки и первого профессионального правоведа на университетской кафедре сторонником какого-то более радикального идеала выглядят нелепостью. Идея ограниченного представительства, защищаемая Куницыным, была продиктована реальным политическим опытом европейских народов, приобретенным после 1789 г. Или, как пишет Куницын, «жители нынешних государств, вопреки духу древних республиканцев, не желая быть сами законодателями, хотят только иметь при лице Верховного Властителя своих представителей»⁵⁵.

Первый номер «Духа журналов» открывался статьей «Эпоха обновления Европейских государств», которую можно считать программной. Она предлагала краткую характеристику образа правления во Франции, установленного после дарования ей Людовиком XVIII Хартии 4 июня 1814 г., и представляла собой извлечение из речи Монтескье во французской Палате депутатов, живописавшей бедственное состояние послевоенной Франции и защищавшей действующую Хартию⁵⁶. Даровавший ее король, говорится здесь, обеспечил стране прочный гражданский мир, добровольно ограничил свою власть «свободной конституцией» и «призвал избраннейших из граждан себе в советники и соправители». Таким образом, законодательная власть теперь принадлежит королю, «камере пэров» и «камере депутатов» совокупно. «Сею же конституционною хартиєю, — говорится в русском переводе речи, — обеспечиваются свобода вероисповедания, с признанием католической религии господствующей в государстве, неприкосновенность собственности, неотъемлемость национальных мнений, неотчуждаемость имуществ от настоящих их владельцев, свобода книгопечатания, не вредящая общественной и частной безопасности и т. д.»⁵⁷ Итак, Франция получила от законного государя ту благоразумную свободу,

которой тщетно ожидала от наследников революции, оказывавшихся либо хищниками, либо палачами. Самая надежная свобода и самая прочная конституция, оставалось заключить читателю, — это те, что проистекают от самой верховной власти. «Франция горестным, но спасительным опытом научается, что революция есть ужаснейший бич человечества, а верность и преданность законному государю — надежный залог истинного благоденствия народов»⁵⁸. В 4-й части журнала за 1815 г. помещено изложение «Дополнительного акта» Наполеона к конституции империи, подписанного 22 апреля 1815 г. в эпоху «ста дней»⁵⁹. В его составлении участвовал Б. Констан. В той же книжке напечатана заметка, переведенная из гамбургской газеты, «Мнение о конституции Бонапартовой», которая содержала в себе выпады против французского императора. Автор заметки не считал наполеоновскую конституцию новой, ибо «главные основания оной те же самые, какие поставлены были королем в его хартии». Имперские амбиции Наполеона последовательно разоблачаются здесь же: «Буонапарте признается, что он замышлял сделать всеобщую монархию, которую скромно называют Европейским союзом, и что он по той причине до сего времени ничего не сделал для обеспечения свободы французов». В той же части журнала был напечатан перевод сочинения Ф.-Р. Шатобриана «Людовик XVIII во время 100 дней», содержащий сведения о появлении «Дополнительного акта».

Эти и многие другие материалы «Духа журналов» представляются отголоском официального либерализма. Именно это издание информировало русского читателя о конституционных намерениях Александра I относительно Царства Польского еще в начале 1815 г. В 4-й части журнала помещен рескрипт президенту Сената Герцогства Варшавского графу В. Островскому, данный из Вены, где императором так определялось будущее устройство края: «Королевство Польское соединено будет с Российской империей узами собственной ее конституции, на которой и желаю основать счастье сей земли»⁶⁰. В марте 1818 г. «Дух журналов» первым из русскоязычных изданий полностью опубликовал речь Александра на открытии первого сейма Царства Польского, знаменитую своей откровенностью и оглашающую намерение царя в случае успеха конституционного эксперимента в Польше распространить начала польской конституции на всю империю⁶¹. Этим заявлением был дан толчок первой в России почти гласной дискуссии о перспективах введения конституции, захватившей многих современников.

В том же 1818 г. «Дух журналов» знакомит русского читателя с монархическими конституциями, дарованными Баварии и герцогству Баденскому их государями, что было в сильной степени вызвано «конституционным примером» и прямым влиянием Александра на немецких владетелей.

Специфический конституционализм «Духа журналов», отчетливо ориентированный на проконституционные заявления Александра I, отчетливо выражен в программной статье, открывающей первую книжку журнала за 1819 г. Она называлась «Гений девятнадцатого века». В отличие от большинства материалов журнала, статья эта не являлась переводом или рефератом иностранной публикации, а была открытым заявлением мнения издателей. Едва ли подобная статья могла появиться до варшавской речи императора. В статье определяется отношение к основным событиям предшествующих десятилетий: революции 1789 г., наполеоновским войнам, политике Александра. Трактовка этих событий — умеренно-либеральная и антиреволюционная одновременно — вполне в «духе времени», поскольку либерализм начала XIX в. изначально противопоставил себя революции и радикальным методам преобразований вообще. Автор статьи рисует последствия революции, которые были ужасны: «Все было в расстройстве — алтари ниспровергнуты, служители Божии скитались без пропитания, троны разрушены или колеблемы, правда на судах умолкла, рука сильного бесстрашно угнетала слабого, народы подавлены бременем долгов и налогов, мудрость удалась из храма науки, место ее заступили лжемудрствование и пустословие, честность осмеяна, поругана... <...> Только наглость и разврат высоко поднимали гордое свое чело. Все полезные промыслы в уничтожении, один только меч был в чести и право сильного в силе... Народы отреклись от всякого повиновения властям и законам. <...> Умы всех обуяла мечта вольности и равенства... Народы исторгли скипетр у царей, сами хотели властвовать, отсюда безначалие, необузданность, междуусобие и величайшие бедствия в продолжении около 30 лет».

По мнению «Духа журналов», причиной революции были неправильно понятые или употребленные во зло идеи просветителей. Революция 1789 г. не имела никаких положительных результатов, ибо прямым следствием ее было утверждение тирании Наполеона, которая принесла новые бедствия народам Европы. Только победоносная война под главенством России освободила Европу. Александр I возвратил законным властителям троны, а народам — законные права. Вот почему, утвержда-

ется в статье, XIX век должен именоваться веком Александра I, так как весь мир изумляется его «великим благодетельным подвигом». Но, по мнению автора статьи, восхищения достойны не только военные подвиги, но и дела русского императора на поприще конституционном, так как конституционные преобразования, состоявшиеся в ряде стран Европы после низложения Наполеона, были бы невозможны без его участия. «Гений XIX века» — это и есть Александр I.

Конституционные идеалы ясно заявлены и в статье «Чего требует дух времени? Чего желают народы?». Сама формула, помещенная в заглавии, стала к тому времени политическим клише. Восходит она к немецкому выражению «geist der zeit», вошедшему в обиход из сочинений немецких философов начала XIX в. «Дух времени есть общий глас народов, — пишет автор “Духа журналов”, — есть некоторая общая потребность, происходящая от степени просвещения и гражданского образования. Поэтому все противоборствования духу времени бесполезны. Но нельзя принимать за общий глас народа «порывы исступленных частных людей или крики 200 или 300 журналистов». «Чего же требует дух времени?» — повторяет вопрос автор. Ответ подразумевается уже в заглавии: того, чего «желают народы». А народы желают «мира и спокойствия, на прочном основании утвержденного», испрашивают свободы совести, «терпимости вер», уравнительной раскладки налогов, «правосудия — скорого и гласного...». И все желания народов «можно сокупить в одном всеобязательном владычестве законов! — коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого, равно обязательных для властей и для подвластных, при которых самовластие места иметь не может и которых столь же невозможно было бы ниспровергнуть, как и уклониться от них». Под «законами», как можно видеть, подразумевается не просто «правильное устройство государства», а устройство, закрепленное системой гарантий самой верховной власти, то есть именно конституция, как ее понимали в начале XIX в. Но получить конституцию народы должны не революционным путем, путем «своевольства и необузданности черни», а должны «ожидать ее не от кого более, как от трона, от рук своего монарха». Чтобы от дарованной «сверху» конституции никто не делал отступлений, необходимо учредить сословие ее «блюстителей» из числа народных представителей: «Без них никакой новый закон не может быть издан, никакой налог наложен, никакое важное предприятие предпринято»⁶².

Еще более настойчиво вопрос об обязательности конституции в правильно организованном государстве звучит в статье, опубликованной в той же книге «Духа журналов»: «Как судить о всеобщих смятениях в Европе, а особливо в Англии?». Всеобщность, универсальность требования конституции, исходящего от самых разных европейских народов, заставляет многие правительства менять свой курс. «В Испании либералы требуют восстановления кортесов: что почти то же значит, как и парламентов, или конституционного правления. Во Франции либералы требуют того же, ибо хотя и есть там хартия и конституционное правление, но более на бумаге». А на деле правительство всемерно старается уклониться от соблюдения конституции. Как видим, автор статьи разделяет формальные и реальные свободы и гарантии, предлагаемые действующими европейскими конституциями. Все европейские партии, резюмирует он, «в одном между собой согласны, а именно, в желании конституции». И далее следует почти буквальная отсылка к формулировкам программной варшавской речи Александра: «Теперь мы знаем, в чем состоит дух нашего времени — в потребности законоположительного правления, или конституции. <...> И можно сказать, что государи сами возбудили во всех сии ожидания, обещав торжественно в 1813 г. и после — на Венском конгрессе — даровать подданным своим конституционное правление... <...> ...Только благодаря конституционному образу правления процветала Великобритания, а Северо-американские соединенные области сему же духу обязаны чудесными своими успехами»⁶³.

Конституционно-монархический идеал проводится в это время «Сыном Отечества» в статье «Взгляд на некоторые земли», перепечатанной из берлинского журнала «Freirwillige Blatter». «Престолы должны быть наследственны, а особы государей священны и неприкосновенны, — пишет автор статьи, — правление должно быть основано на законах, приличных степени просвещения народа и от оною происходящих. Следовательно, правители государства должны при законодательстве принимать в уважение народные мнения. <...> Почти все сочинители в Европе, писавшие о государственном правлении, утверждали, что между государями и народами должно существовать право, основанное на взаимном условии, и что существовавшие в старину подобные условия должны быть восстановлены, а там, где их нет, — заключает автор, — должны быть составлены народными собраниями». Заключая подобный договор между государем и народом, «надлежало бы установить высочайший правительственный Ареопаг»⁶⁴.

Идеи конституционной монархии и необходимость представительного правления защищал и официальный орган Министерства внутренних дел — газета «Северная почта», издававшаяся с 1809 по 1819 г. по инициативе и при прямом участии самого министра О. П. Козодавлева⁶⁵. Информация о европейских конституциях и европейском либерализме, которую можно было найти на страницах «Северной почты», была ценной сама по себе, но в определенные годы она явно была окрашена в цвета официальной пропаганды «умеренно-конституционных» идей и учреждений.

Так, в сообщении от 30 июня 1816 г. из Франкфурта читаем: «Во Франции две партии, находящиеся во вражде, особенно отличаются от других — одна состоит из почитающих за великое благо для государства Конституцию и потому исповедающих правила и идеи либеральные, а другая — из привязанных душой и сердцем к старине. Первые, движимые духом нашего века, утверждают, что революция, яко следствие не идей либеральных, но разврата, неверия, злоупотреблений закона... <...> ...Дала Франции не свободу, но деспотов, что, напротив, цивилизация или народная образованность произрастила повсюду конституции, что она дала почувствовать цену и пользу оных»⁶⁶. Из контекста следует, что редакция «Северной почты» как раз на стороне «либеральной партии» и также против «приверженцев старины», также чувствует, в чем состоит неистребимый «дух века», а именно — в естественном и повсеместном распространении либеральных учреждений (конституций), соответствующих современным запросам просвещенных народов.

В этом духе выдержан и материал, содержащий известия из Майнца от 12 ноября 1816 г., иллюстрирующий «ожидание» народами Германии конституций от своих государей, ибо конституционный образ правления соответствует духу времени, который «не может уже остановиться в шестви своем или возвращаться вспять».

Другой корреспондент газеты сообщает из Италии о том, что недавно вышедшая книга антиконституционного содержания, «опровергающая выгоды и пользу конституции», вызвала всеобщее «презрение». Далее следовала важная оговорка о том, что «король неаполитанский непременно хочет у себя ввести конституцию и, как сказывают, теперь уже она составляется». Оговорка была явно преждевременна и свидетельствовала только о том, что «Северная почта» старалась в это время всеми силами «поспевать за прогрессом». Приведенная «новость» была, впрочем, вполне

согласна с официальной установкой тех лет, которая как раз подразумевала, что лучший способ получения конституции — это провозглашение, дарование ее верховной властью. Можно заметить при этом, что «Северная почта» часто превосходит иные частные издания и по радикализму суждений, и по информативности «известий». Эта смелость и есть закономерное следствие официального статуса издания. В конце своего существования газета несколько раз навлекла на себя неудовольствие императора тем, что чересчур откровенно рассуждала о делах и планах правительства.

Официальные журналисты предлагают вполне объективную интерпретацию происходящих в Европе перемен, не скрывая, что не альтруизм или следование модным теориям, а боязнь социальных потрясений, подобных французской революции, заставляет правителей всех стран Европы «основать спокойствие и блаженство своих стран на представительной системе правления». Более того, «Северная почта» постоянно проводит мысль о том, что в настоящее время конституционная система является неперемнным условием общественного спокойствия. Такова основная мысль статьи «О истине представительного правления». Напрасно, говорится здесь, принимают представительную систему «за страшную комету, предвестницу разрушения и гибели, в самом деле же она есть благотворная планета, имеющая свой правильный путь течения, указанный ей самим Создателем на тот конец, дабы она освещала людей, не зажигая шара земного».

Как и «Дух журналов», «Северная почта», бывшая к тому же самой массовой газетой и имевшая в то время от 400 до 900 подписчиков, стремилась к популяризации материалов, почерпнутых из разных источников и отвечающих задачам и идеологическим рамкам издания. Так, в одном из номеров появляется любопытная статья, перепечатанная из петербургской газеты «*Conservateur impartial*», выходившей на французском языке и ориентированной преимущественно на иностранного читателя. Здесь говорится: «Время нынешнее составляет в истории эпоху. Оно показывает нам удивительное и никогда не бывалое зрелище. Повсюду обветшалый деспотизм уступает место конституционно-монархическому правлению, и война, которая угрожала поглотить Европу и поработить ее навсегда, произрастала от себя на всей земле мир, искоренение рабства, свободу народов и безопасность царей. Польша получила ныне от благотворной десницы государя самой величайшей империи Конституцию, на свободе основанную. Пруссия ожидает тщетно такого

же благотворения от своего монарха. <...> Другие государи в Германии или вводят уже, или готовят конституционное правление народов Италии исполнено будет императором Францем. Нидерландское королевство показывает уже всей Европе пример современной свободы, чуждой беспоконства и мятежей. Англия защищает и укрепляет преимущества своей конституции, между тем как Франция утешается в ужасном своем положении тем, что видит свободу, основанную подле престола великим королем, который на оный возведен»⁶⁷. Из этого перечисления успехов конституционной политики в разных странах читатель, очевидно, должен был заключить, что повсеместное торжество конституционных начал не минует и благословенное Отечество. Либеральный пафос этой статьи, вполне уместный в 1815—1818 гг., уже через несколько лет становится анахронизмом и воспринимается как провокация или оппозиция.

Для большинства современников, считавших себя людьми просвещенными и мыслящими «в духе времени», образцом возможного подражания в государственном развитии была Англия. Англomanия или англофильство могли быть общественной позицией, как у фрондирующих аристократов братьев Воронцовых, или разумным выбором среди нескольких моделей государственного устройства, как у «либералистов» братьев Тургеневых, П. А. Вяземского, П. Б. Козловского и др.

В конце XVIII в. огромным авторитетом пользовалось сочинение Делольма «О конституции Англии». В первые годы александровского царствования оно переводится на русский язык. Несколько раз в печати появлялись фрагменты работ британского правоведа И. Бентама, теоретика смягчения судебной и пенитенциарной системы. Однако наиболее популярной темой в публицистике той поры (не исключая даже годы после Тильзитского мира и присоединения России к системе континентальной блокады) была демонстрация преимуществ английской государственной системы, которая считалась идеально уравновешенной. Авторы и издатели стремились отдать должное «английской системе», противопоставляя ее государствам континентальной Европы, «потрясаемым мятежами».

В 1817 г. в «Духе журналов» была напечатана статья «О начале и происхождении английской конституции». В ней говорилось о пределах власти английского короля, о преимуществах, данных ему английскими законами, о компетенции и занятиях английского парламента. Обещанное продолжение статьи не появилось,

вероятно, по цензурным соображениям. Подобные информативные по характеру материалы предназначались для среднего читателя: так постепенно формировалось общественное мнение в пользу конституционной системы правления перед неконституционной, давая обширную пищу для размышлений. Не случайно Англия воспринимается повсеместно как самое благоустроенное из современных государств, а англофильство (в том числе на бытовом уровне как пристрастие ко всему английскому) — считается наиболее массовым и безопасным политическим увлечением.

Англофилом выступает В. Броневский, автор «Записок морского офицера», в отрывках публиковавшихся в «Сыне Отечества». Достоинства, отличающие английскую монархию, по его мнению, состоят в том, что здесь «вольность, подчиненная закону, составляет прочное благоденствие подданных». В высокопарных выражениях Броневский пишет о том, что конституционный монарх в Англии не имеет власти силы, но имеет «власть добра», что при этом «закон один наказывает преступников и прекращает злоупотребления власти». Другими преимуществами англичан являются суд присяжных, свобода книгопечатания и устройство народных школ, которые «распространили просвещение на все состояния. Нет ни одного, исключая самой низкой черни, который бы не знал своего закона и не умел читать и писать»⁶⁸. Разговор о просвещении в разных странах был для многих авторов в то время поводом, чтобы указать на нетерпимость ситуации, при которой большая часть россиян прозябает во мраке невежества, и предложить свои средства для исправления такого положения.

Н. И. Греч, издатель «Сына Отечества», еще в 1813 г. обращал внимание соотечественников на преимущества системы взаимного обучения, основанной английскими педагогами Ланкастером и Белем⁶⁹. Позднее журнал информировал читателей об успехах первых ланкастерских школ для солдат, учрежденных М. С. Воронцовым в российском оккупационном корпусе во Франции, М. Ф. Орловым в Киевском военно-сиротском отделении, генерал-майором Сукиным в Петербурге. В 1819 г. в журнале был опубликован и устав С.-Петербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения. Эта информация так или иначе приближала решение поставленного еще Н. М. Карамзиным вопроса о том, что конституционное правление само по себе еще не делает людей счастливыми, что только просвещенный народ может реализовать свои права в конституцион-

ном государстве. «Должен ли народ быть просвещен? — рассуждает автор статьи "О взаимном обучении", — вопрос безрассудный... <...> Без просвещения народ не может иметь добрых нравов и повиноваться законам, надобно, чтобы он любил их и имел по крайней мере поверхностное понятие об их цели и пользе»⁷⁰. Но как просвещать народ? Ответ на этот вопрос дает участник кампании по учреждению ланкастерских школ в Петербурге, член Союза Благоденствия Федор Глинка в помещенном в том же журнале анонсе своей повести «Лука да Марья». Нигде в просвещенной Европе низшие классы общества не признаются недостойными образования и просвещения. Но действительной просвещенности они могут достигнуть лишь тогда, когда «просвещенные люди займутся составлением книг для крестьян, их языком писанных», и будут распространять их в народе⁷¹.

Если Англия представлялась идеалом государственного устройства, то на противоположном полюсе бесправия и угнетения российский наблюдатель помещал азиатские державы. «Восточная» тема имела глубокий подтекст. Под видом критики деспотических порядков в Китае, Персии или Турции автор, даже не стремясь к этому, напоминал «проницательному читателю» о том, что неограниченный произвол монарха, существующий и в России, и бесправие «производящего класса» (русских крестьян) ничем не лучше. Чисто российские аллюзии могли породить, например, опубликованные в «Духе журналов» «Замечания о Китае». Автор готов назвать всех граждан этой страны рабами, «потому что никто не имеет права переменять такого состояния, в котором он родился. С этой стороны свобода китайцев совершенно ограничена. <...> Здесь не знают публичного судопроизводства... <...> Китайский император, окруженный неприступностью, не имеет никакой возможности, ни охоты заниматься государственными делами, а предоставляет оные своим министрам. Сии тиранствуют самовольно над бедным народом, грабят и притесняют его в угодность своим прихотям и страстям. <...> Китайское правительство есть самое несправедливое, жестокое, продажное и деспотичное, какое только когда-либо существовало на земле. Оно состоит не из одного, но из тысячи деспотов, которые только и помышляют о своем возвышении и обогащении. Они грабят и разоряют несчастный народ, постоянно уменьшают источники богатств и силы государства и приближают его к падению»⁷².

В той же книжке журнала была опубликована статья «О нынешнем состоянии Персии. О персидском шахе и его дворе».

Деспотический характер шахского правления был понятен читателю уже из замечания, что «правительство Персии состоит из двух властей: духовной и светской, но обе они сосредоточиваются в особе шаха, который в Персии, как и во всех землях Азии, есть неограниченный деспот, коего самовластие никакими законами, никакими государственными учреждениями не уничтожается. Власть персидского шаха основывается преимущественно и, можно сказать, единственно, на ужасе. <...> Власть его не имеет других границ, кроме собственной его власти... <...> ...В Персии нет и тени народного представительства, коим просвещеннейшие и наиболее образованные народы Европы и Америки по справедливости гордятся. <...> В Персии нет даже тех собраний дворянских депутатов, которые некогда у монгольцев под именем коуралтай имели важную силу и несколько умеряли самовластие деспотов»⁷³.

В «Духе журналов» был напечатан отрывок из книги французского посла в Турции Андреоси «Путешествие к устью Черного моря или опыт изысканий о Босфоре с атласом» под заглавием «Турецкая конституция». Из сочинения Андреоси было выбрано описание системы султанской власти, которая ограничивается на деле лишь властью высшего магометанского духовенства, и «право самовластия», независимо от намерений султана «превращает его в тирана». Особенно безгранично самовластие в отношении самих правительственных чиновников⁷⁴.

На материале массовой литературы, какой считались журналы того времени, можно наблюдать некоторые закономерности эволюции идеологии и политического мышления первых десятилетий XIX в.

Органы печати, инициированные правительством или подконтрольные ему, задавали идейные рамки раннего либерализма как совокупности идей и моделей политико-социального развития. Эти идеалы и модели, выраженные в присущих тому времени категориях, оказываются более четкими, чем это может показаться вначале. Наиболее влиятельной конструкцией стала официальная умеренно-либеральная парадигма, ориентированная на конституционные реформы в английском духе в государственном строе, «просвещение» народа и взаимодействие с «обществом». В социальной сфере «естественным», хотя и не определенным во времени шагом признается преодоление крепостничества и освобождение хозяйственной инициативы. Правда, критика крепостного права ведется, в основном, неофициальными публицистами, но само ее разрешение показательное.

В первое десятилетие века общественная дискуссия не выходит за рамки официального либерализма с его расплывчато-умеренными формулировками, несмотря на видимое размножение частных издателей и независимых авторов. Вероятно, этот идеал был действительно наиболее привлекательным и авторитетным, если как официальные, так и частные журналы неукоснительно его проповедают. Официальный либерализм, однако, имел преходящий характер. Наиболее активно пропагандируется он в первые годы XIX в., когда Александр I и его сподвижники добиваются общественной поддержки своих начинаний и пытаются сформировать общественное мнение в пользу реформ, массовое приятие либеральных учреждений⁷⁵. Рамки официальной идеологии были подвижны, поэтому формулу «законного правления», конституции всякий волен был наполнить собственным содержанием. И, вероятно, одни и те же публикации вызывали у читателей различно мыслящих различные толкования, о чем можно судить по разноголосице мнений по вопросу о необходимости облегчения участи крестьян в России и о преимуществах свободного состояния над неволей. Впрочем, читательские восприятия различных политических вопросов, предлагаемых в журналах той поры, практически не изучены.

Следующей и последней попыткой диалога правительства с обществом были 1815—1819 гг. В это время в печати количественно преобладают неправительственные издания. Их тон, их позиция, как видим, корреспондировали с правительственными установками тех лет, отчетливо высказанными Александром I в своем обращении к депутатам польского сейма в 1818 г. Правительственный либерализм как в первые годы александровского правления, так и в 1815—1819 гг. ограничен условием предоставления свобод населению и реформирования государственных институтов самой верховной властью. Совершенно иные оценки прилагаются к либерализму, не санкционированному верховной властью, либерализму, истолкованному как оппозиционность. Примерно с конца 1810-х гг. Александр I уже с опаской относится к «либералистам», организует наблюдение за наиболее активными элементами, исключает возможность сотрудничества с ними. Ближайшим синонимом слова «либерализм» в этом его понимании в русской политической лексике, пожалуй, является определение «вольнодумство», несущее негативный смысл. В официальной интерпретации этот «несанкционированный либерализм» отождествляется с революцией (насилием, политическими потрясениями), а не со свободой, и это типичное для политичес-

кого дискурса того времени противопоставление. Оппозиция же либерализм—революционность утверждается в среде самих либералистов (а значит, и декабристов) на рубеже 1820-х гг., под влиянием революционных событий в странах Южной Европы, которые живо переживались интеллектуальным сообществом в России. Столь четкое противопоставление либерализма—революционности у декабристов, которые себя революционерами отнюдь не считали, вызвало к жизни идею организованной «военной революции», бескровного, следовательно, принципиально «нереволюционного» пути установления новой власти.

- ¹ Оксман Ю. Г. Очерк истории цензуры зарубежных изданий в России в первой трети XIX в. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2567, оп. 1, д. 70. К этой работе, начатой еще до революции, Оксман вернулся в 1964 г., однако, несмотря на то что статья с приведенным названием уже прошла корректуру, из-за неблагонадежности автора ее публикация не состоялась.
- ² Полное собрание законов. Собр. I (ПСЗ-I). Т. XXVI. № 19807. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. СПб., 1869. С. 65.
- ³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С. 67.
- ⁴ ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20139; Скабичевский А. М. Очерки по истории // Русский вестник. Т. CCLXIII. С. 364.
- ⁵ Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 369—370.
- ⁶ Сухомлинов М. И. Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. Т. VII. СПб., 1862. С. 18.
- ⁷ Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 371—372.
- ⁸ ПСЗ-I. Т. 27. № 21388.
- ⁹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С. 85—95.
- ¹⁰ Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 374—375.
- ¹¹ Там же. С. 376.
- ¹² Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 198.
- ¹³ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической мысли в начале XIX века. М.; Л., 1949. С. 39.
- ¹⁴ Мерзляков А. Воспоминания о Ф. Ф. Иванове // Труды общества любителей российской словесности при Московском университете. 1817. Ч. VII. С. 101, 103.
- ¹⁵ Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1897. Т. 1. С. 281.
- ¹⁶ [Маршалль С.] Пифагоровы законы и нравственные правила / Пер. с фр. В. Сопиков. СПб., 1808.
- ¹⁷ А. В. Предтеченский указывает, что на первом томе этого издания имелась дарственная надпись переводчика (автограф Сперанского). Подробнее см.: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической мысли в начале XIX в. С. 41.
- ¹⁸ Слово о том, что справедливый и мудрый государь сам никогда не судит дел своих подданных, но всегда препоручает суждение их уч-

- режденным на то присутственным местам... произнесенное на латинском языке... Христианом Шлецером, на российский язык переведенное Федором Ленкевичем. М., 1802.
- ¹⁹ Брут, или Освобожденный Рим. Творение Августа Ла-Фонтеня / Пер. с нем. М., 1805.
- ²⁰ См.: Петухов Е. В. Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 3. С. 81—83.
- ²¹ Записки И. И. Мартынова // Памятники новой русской истории: Сб. истор. статей и материалов, издаваемых В. Кашпиревым. Т. 2. СПб., 1872. С. 68—172.
- ²² Северный вестник. 1804. Ч. 3. С. 201—206.
- ²³ Северный вестник. 1804. Ч. 5. С. 150—156, 247—260.
- ²⁴ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1900. № 10. С. 76—77.
- ²⁵ Дух журналов. 1818. Кн. 27. С. 528, 535.
- ²⁶ Косинский А. Замечания на мысли об устройении счастливейшего быту крестьян польских // Вестник Европы. 1815. Ч. 82. № 16. С. 264—281.
- ²⁷ Дух журналов. 1817. Ч. 15. Кн. 47. С. 339—342.
- ²⁸ Дух журналов. 1820. Ч. 39. С. 141—156, 193—214, 263—286.
- ²⁹ Русский вестник. 1817. № 3/4. С. XXIII.
- ³⁰ Дух журналов. 1817. Кн. 49. С. 343—370.
- ³¹ Дух журналов. 1818. Ч. 25. Кн. 6. С. 43—54.
- ³² О рабстве в иностранных европейских государствах // Дух журналов. 1818. Кн. 12. С. 94—95.
- ³³ [Куницын А. П.] О состоянии иностранных крестьян // Сын Отечества. 1818. № 17. С. 162—186. Об авторстве А. П. Куницына см.: Кульман Н. К. Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I // Изв. Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 64.
- ³⁴ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 121.
- ³⁵ Беседы в Обществе любителей Российской словесности при Московском университете. М., 1871. Вып. 3. С. 21—22.
- ³⁶ Государственный устав испанской монархии // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 48—67; № 14. С. 130—132.
- ³⁷ О конституции Норвежского королевства // Вестник Европы. 1816. Ч. 88. № 16. С. 284—285.
- ³⁸ Государственное уложение Баварского королевства // Дух журналов. 1818. Ч. 31. С. 181—228; Государственное уложение великого герцогства Баденского // Дух журналов. Ч. 33. С. 229—260.
- ³⁹ [Свиньин П.] Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № 45. С. 253.
- ⁴⁰ [Свиньин П.] Указ. соч. С. 256—257.
- ⁴¹ Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1817. № 17 (1-е прибавление к кн. 17 журнала. Отдел «Новости». С. 1—4).

- ⁴² Дух журналов. 1820. Ч. 38. С. 1—2.
- ⁴³ Там же. С. 36—38.
- ⁴⁴ Дух журналов. 1820. Ч. 38. С. 125—138.
- ⁴⁵ Письмо одного немца из Северной Америки // Дух журналов. 1816. Ч. 10. Кн. 13. С. 65.
- ⁴⁶ Письмо из Филадельфии // Дух журналов. 1820. Ч. 38. Кн. 2. С. 73.
- ⁴⁷ В. А. Теплова в своих работах 1960-х гг. интерпретировала увлечение русских журналов конституционной тематикой как «дискуссию о формах правления» в русской прессе. Однако различие позиций изданий (издателей) не было ею четко обозначено. Без этого трудно зафиксировать общекультурное значение «конституционной темы» и трансформацию в понимании конституции русскими авторами и читателями за полтора десятилетия — до начала 1820-х гг. См.: Теплова В. А. Дискуссия о формах правления в русской журналистике 1814—1820 гг. // Уч. зап. Горьковского ун-та. Сер. ист.-филос. Вып. 65. Горький, 1964. С. 326—346; Она же. Пропаганда конституционных идей в «Северном вестнике» И. И. Мартынова // Уч. зап. Горьковского ун-та. Сер. ист.-филос. Вып. 65. Горький, 1964. С. 366—383; Она же. «Вестник Европы» Карамзина о Великой французской революции и формах правления // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 269—280.
- ⁴⁸ Дух журналов. 1818. Ч. 27. С. 582—583.
- ⁴⁹ Конституция Северо-Американских областей // Дух журналов. 1820. Ч. 38. Кн. 2. С. 73—77; 78—88, 97—116, 157—174.
- ⁵⁰ Констан Б. Голос благородного француза / Пер. с фр. // Сын Отечества. 1815. Ч. 21. № 14. С. 60—64.
- ⁵¹ См.: О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1994. С. 198—248. Наиболее известным в конце 1810-х гг. было издание: Cours de politique constitutionnelle, par B. Constant // Constant B. Collection complete des ouvrages. Paris. 1818—1820. Это собрание являлось настольной книгой «либералистов» в России, оно находилось в библиотеках П. А. Вяземского, П. Я. Чаадаева, А. С. Пушкина, Н. М. Муравьева.
- ⁵² Вестник Европы. 1817. Ч. 96. № 23/24. С. 294—300; 1818. Ч. 101. № 18. С. 138—144; Ч. 118. № 15. С. 201—210. Часто выдержки из сочинений де Сталь были переводами текстов, уже публиковавшихся во французских или польских журналах.
- ⁵³ Отрывок из сочинения г-жи де Сталь под заглавием: Consideration sur les principaux evenemens de la revolution française (о Французской революции) // Дух журналов. 1818. Ч. 28. Кн. 26. С. 703 и сл.
- ⁵⁴ «Современная история и политика» [Выписка из Journal des Debate] // Сын Отечества. 1816. Ч. 27. № 3. С. 117.
- ⁵⁵ Куницын А. П. «О конституции» // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 2. СПб., 1995. С. 46—48.
- ⁵⁶ Дух журналов. 1815. Ч. 1. Кн. 1. С. 4—18.
- ⁵⁷ Там же. С. 15.
- ⁵⁸ Там же. С. 17.

- ⁵⁹ Доклад виконта Шатобриана Людовику XVIII о состоянии Франции // Дух журналов. 1815. Ч. 4. Кн. 25. С. 797—803.
- ⁶⁰ Дух журналов. 1815. Ч. 4. Кн. 25. С. 58.
- ⁶¹ Дух журналов. 1818. Ч. 35. Кн. 14. С. 95—102.
- ⁶² Дух журналов. 1819. Ч. 32. Кн. 1. С. 7.
- ⁶³ Дух журналов. 1819. Ч. 32. Кн. 1. С. 7—14.
- ⁶⁴ Сын Отечества. 1816. Кн. 31. С. 31.
- ⁶⁵ Об истории издания см. работы: Предтеченский А. В. Газета «Северная почта» (1809—1819) // Предтеченский А. В. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 132—144; Он же. Протекционизм и экономическая полемика О. П. Козодавлева // Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 295—322.
- ⁶⁶ Северная почта. 1816. 30 июля.
- ⁶⁷ Северная почта. 1816. 12 августа.
- ⁶⁸ Броневский В. Записки морского офицера // Сын Отечества. 1818. Ч. 45. № 14. С. 123.
- ⁶⁹ Сын Отечества. 1813. Ч. 7. № 31. См. раздел «Воспитание»: О новейших методах первоначального обучения (Сын Отечества. 1818. Ч. 46. С. 3—23). Именно Греч станет вскоре одним из наиболее активных деятелей по распространению ланкастерского метода в обучении солдат и штатских лиц «простого звания». Вместе с С. И. Тургеневым им будут составлены специальные грамматические таблицы, приспособляющие ланкастерскую методику к русскому языку.
- ⁷⁰ Сын Отечества. 1819. Ч. 53. № 13. С. 3—15. Пер. Дм. Маслова. Данная статья заимствована из журнала «Minerve Française» и говорит о положении дел во Франции. В том же номере журнала рецензируется учебник Греча «Руководство по взаимному обучению» (СПб., 1819).
- ⁷¹ Сын Отечества. 1819. Ч. 53. № 13. С. 113.
- ⁷² Замечания о Китае. Из записок одного путешественника... / Пер. с англ. // Дух журналов. Ч. 33. Кн. 6. С. 17—18.
- ⁷³ О нынешнем состоянии Персии. О персидском шахе и его дворе // Дух журналов. 1818. Ч. 30. С. 95—102.
- ⁷⁴ Дух журналов. 1818. Ч. 31. С. 169—176.
- ⁷⁵ Этот вывод подтверждается В. В. Календаровой, исследовавшей состав материалов официального «Санкт-Петербургского журнала» (1804—1819) за первые годы его издания. См.: Календарова В. В. Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытки правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов) // Источник. Историк. Сб. науч. работ. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. С. 52—72. Обилие политико-экономических и политико-философских материалов, отмеченное исследовательницей именно в указанные годы, обозначает тенденцию, которую правительство в силу опущенных ему возможностей, безусловно, определяло.